

ИМИДЖ И РЕАЛИИ УРАЛЬСКОГО ГОРОДА

М.В. Капкан

ИМИДЖ ГОРОДА-ЗАВОДА: СТРАТЕГИИ МИФОЛОГИЗАЦИИ

Специфика процесса урбанизации в России неоднократно привлекала внимание исследователей и до сих пор остается дискуссионным вопросом. Наиболее существенным моментом оказывается несоответствие большинства российских городов своему официальному статусу. Приведем лишь одно мнение: «В годы первых пятилеток города формировались как промышленные слободы крупного и сверхкрупного размера. Слободе придавалась «форма города»¹. Преимущественно формальное присвоение статуса города без учёта социокультурных особенностей поселения, характерное для российской урбанизации XX века, обусловило для многих городов возникновение проблемы самоопределения.

Среди стратегий преодоления противоречий важное место принадлежит мифу. Можно сказать, что это самая распространенная форма гармонизации в культуре XX века, востребованность которой связана с увеличением объема информации, получаемой человеком. Репрезентация через миф оказывается наиболее эффективной, так как позволяет транслировать сообщение в максимально емкой форме. Феномен мифа имеет давнюю историю изучения. Однако само понятие «миф» остается дискуссионным. Его границы четко не определены. Так, ряд исследователей, говоря о мифе, подразумевают под этим понятием исключительно архаический миф (К. Хьюбнер, К. Леви-Стросс). Именно на такой трактовке мифа основаны ранние работы по данной проблематике. Наряду с этим в

¹ Глазычев В.Л. Город России на пороге урбанизации // Город как социокультурное явление исторического процесса. – М., 1995. См. также: Алексеева Т.И. Процессы урбанизации как смена системообразующих факторов // Урбанизация в формировании социокультурного пространства. – М., 1997; Сенявский А.С. Российская урбанизация: некоторые историко-методологические проблемы // Там же.

XX веке получают распространение исследования современного мифа. В трудах Э. Кассирера и К.Г. Юнга современный миф близок по своим характеристикам мифу архаическому. Особое место в разработке проблемы современного мифа принадлежит Р. Барту, который указал на социальный аспект современной мифологии и поставил вопрос о ее связи с идеологией.

Сложность анализа мифа связана, в том числе и с тем, что это «феномен не только культурный, во многом зависящий от культурного контекста эпохи, но и феномен социальный, психологический, поскольку выступает как средство самоидентификации индивидов и общества. Легитимация существующего общественного порядка – одна из основных функций мифа не только в примитивных обществах, но и в более развитых культурах, где социальные и политические мифы приобретают характер идеологии»². Миф является неотъемлемой частью любой идеологической системы. На этом основании правомерно говорить, что создание любого мифа, имеющего социальную значимость, обусловлено определенными потребностями государственной власти. В этом отношении можно согласиться с определением мифа как «духовной реальности, которая при помощи духовных ритуалов обслуживает социальный порядок»³. Миф конституирует наиболее существенные для функционирования системы смыслы и ценности и транслирует их в наиболее приемлемой форме. Поэтому рассмотрение мифа невозможно без учета социально-политических и социокультурных предпосылок его складывания и развития.

Одной из точек приложения мифа к решению социокультурных проблем является создание имиджа города. Мифологизация локуса обитания – одна из распространённых тенденций в культуре. Как отмечает В.В. Абашев, «каждое место склонно к своего рода Локодице»⁴. К числу городов, для которых данная проблема особенно

² Воеводина Л.Н. Мифология и культура. – М., 2002. – С. 134.

³ Лобок А.М. Антропология мифа. – Екатеринбург, 1997. – С. 278.

⁴ Абашев В.В. Пермь как центр мира // Новое литературное обозрение. – 2000. – № 46. – С. 276.

актуальна, принадлежит город-завод. Под этим термином мы понимаем специфический тип уральского города, который сформировался как поселение при железоделательном заводе в конце XVII-XVIII вв. Он получил официальный статус города после революции и на протяжении всего своего существования сохранял производственную функцию в качестве основной. Само обозначение этого типа поселений появилось лишь в XX веке (до этого он носил название «завод») и, по сути, стало первой его мифологемой, поскольку исторически такие поселения позиционировались как посёлки. Вместе с тем подобное наименование было не лишено оснований, потому что «заводы» обладали многими чертами городской культуры задолго до официального признания их городами. Не случайно уже Семенов-Тянь-Шанский определял данный тип поселений как «истинные города»⁵.

Осознавая некоторую неточность применения понятия «город» к рассматриваемому типу поселений до 1918-1920 гг., отметим, что речь в данном случае идет не об административном статусе, а о существенных характеристиках поселения. Формально, по численности населения, промышленному потенциалу, месту в общегосударственной структуре производства эти поселения правомерно отнести к городам. С культурологической точки зрения, их принадлежность к городам определяется спецификой типа личности жителей, развитостью культурных коммуникаций и особой системой ценностей, где одно из центральных мест занимает независимость. Поэтому применение к городам-заводам термина «город» вполне уместно.

Синтез черт городской и сельской культур, присущий городу-заводу, порождает определенное противоречие в самоопределении. В результате возникают две основные стратегии конструирования мифов города-завода, которые условно можно определить как архаизирующую и модернизирующую. Им соответствуют миф завода

⁵ См.: Город и деревня в европейской России: сто лет перемен: монографический сборник. – М.: ОГИ, 2001.

и миф города. Первая стратегия непосредственно связана с архаической мифологией. Акцент здесь сделан на фатализме, растворение человека в природе подменяется его подчиненностью стихии. С этим же связана и сельская компонента культуры города-завода с присущими ей коллективизмом, цикличностью времени, близостью к природе. В комплексе все это порождает аналог архаического мифа.

Модернизирующая стратегия мифологизации базируется на иных представлениях о мире и человеке, восходящих к идеям Нового времени. Очевидно, что в ее основе лежат элементы городской культуры. Здесь акцентируется пафос преодоления, подчеркивается независимый, деятельный характер человека. Человек автономен и находится вне влияния иррациональных сил. Природа выступает не столько как активное враждебное начало, сколько как материал, требующий обработки.

Несмотря на безусловную связь указанных мифов с общим мифом Урала, данные мифы нельзя рассматривать как простой перенос региональных мифологем на город-завод. Их взаимодействие гораздо более проблематично и требует подробного изучения.

Всю символическую историю подобных поселений можно рассматривать как борьбу мифа города с мифом завода, циклическое чередование которых обусловлено изменениями в общегосударственной идеологии и политике. В этом отношении анализ стратегий мифологизации города-завода в их взаимосвязи с социально-политическим и социокультурным контекстом эпохи представляется актуальным и перспективным направлением исследования.

Миф Урала занимает особое место не только в региональной, но и в общегосударственной символической структуре. Он задает особую систему координат, не характерную для магистральной культуры. Если традиционный вектор русской культуры связан с горизонталью, то Урал предполагает преобладание вертикального измерения. Как отмечает В.В. Абашев, «с Уралом в русскую культуру вошла новая модель геопространства, доминирующим началом которой стала не равнинная бескрайность, а тёмная и неистощимая

подземная глубина»⁶. Такое представление о пространстве имеет своим следствием и иную концепцию взаимодействия человека и природы. Для традиционного понимания характерно сосуществование человека и природы. Уральская модель требует активного вмешательства человека в законы природы.

Специфика города-завода заключается в актуализации темы человека (цивилизации) и редуцировании природного начала. Если любое основание города есть символический акт, утверждающий космос культуры в хаосе природы, то основание «завода» есть акт преобразования, где природное выступает лишь как материал. Название поселения задает, с одной стороны, цель его существования и основную функцию, с другой – стратегию её осуществления и статус, определяющий значение поселения в общей социокультурной структуре государства. Уже в самом названии этого типа поселения заложена стратегия постоянного перерабатывания природного материала как базовая функция города. Как все основные здания города стягиваются к проходной завода, так и все функции этого города базируются на производственной. В «исторических городах» духовная и производственная деятельность оказывались слиты воедино, что позволяло этим городам выполнять культуротворческую роль по отношению к основной территории, в то время как в молодых городах духовная составляющая была «делегирована» находящимся на более высокой ступени административного устройства центрам⁷.

Отсюда трансформация исконных уральских мифологем. Прежде всего, переосмыслению подвергается мифологема природных богатств. Традиционное многообразие сводится, в итоге, к единственному образу железной руды. Таким образом, изобилие и щедрость природы подменяется ее суровостью, предполагающей особый характер производства.

⁶ Абашев В.В. Геопозитический взгляд на историю литературы Урала // Литература Урала: история и современность. – Екатеринбург, 2006. – С. 22.

⁷ См.: Мурзина И.Я. Феномен региональной культуры: поиск качественных границ и языка описания. – Екатеринбург, 2003.

По сути, образ железной руды как основы существования становится ключевым для всей мифологической системы «завода». Именно он является базой для остальных мифологем. Мифологема железа становится важнейшей при характеристике жителей региона. Известно, что выражение «железный характер» применительно к жителям Урала зачастую принимала форму развернутой метафоры. Так, А.П. Чехов в путевых заметках писал об уральцах: «Здесь люди внушают приезжему нечто вроде ужаса. Скуластые, лобастые, широкоплечие, с маленькими глазками, с громадными кулачищами. Родятся они на местных чугунолитейных заводах, и при рождении их присутствует не акушер, а механик»⁸. Через понятие руды происходит совмещение камня и железа как природного и рукотворного. Перед нами типичный пример преобразования архетипа в мифологему когда символические признаки смещаются от характеристики природных условий через образ региона к характеристике человека (уральский характер); от сказочно-мифологических сюжетов (фольклорные и литературные образы людей с железными внутренностями) к свертыванию в лозунги и плакаты.

Ярким примером переосмысления базовых архетипов и мифологем в рамках рассматриваемого мифа служит мифологема горы, долгое время остававшаяся свободно функционирующей. Однако в период тотальной мифологизации, оказавшись в новой сконструированной системе мифологем, она стала приобретать черты идеологии. Немалое значение имеет данный архетип и в конструировании мифа завода. «Завод» и «гора» выступают здесь как оппозиционные начала, как противостоящие друг другу персонифицированные силы природы и культуры. Именно в борьбе с «горой» формируется и «завод» в целом, и каждый человек в частности. Более того, гора утрачивает характеристики структурообразующей оси пространства, становясь локусом враждебности и объектом укрощения. Если для Урала в целом образ горы имеет два вектора, устремленные как в недра земли, так и в небо, то для города-завода ак-

⁸ Цит. по: Никулина М.П. Камень. Пещера. Гора. – Екатеринбург, 2002. – С. 81.

туальным остается только вектор, направленный вниз, причем этот вектор наполняется не только традиционной идеей подземных природных богатств, но и мотивом преобразования среды. Еще одна важная черта мифологемы горы в новой символической системе – возрастание ее роли как источника руды. Тем самым актуализируется мотив добывающего труда.

Мифологема труда, особый характер которого также связывался с мифологемой железа, относится к разряду основополагающих в конструировании мифа завода. Характеристика города через производственную активность типична. Однако мало где фактор труда был так константен на протяжении всего существования города. Здесь же «энтузиазм труда» составляет неотъемлемый элемент системы ценностей. Метафора «город-труженик» до сих пор является одной из самых частотных при характеристике городов-заводов. Специфичны характер труда и отношение к нему. Труд не рассматривается как личное благо, но всячески утверждается его значимость в контексте нужд государства. Это по преимуществу труд-повинность, изнурительная, отнимающая значительную часть времени и здоровья. Мотивация труда носит внешний характер: это либо крепостная повинность, либо социалистические стройки. Особое значение здесь приобретает образ подневольного труда.

В противовес традиционному культурному герою Урала – мастеру, в контексте города-завода идеальным типом личности становится рабочий-металлург. Несмотря на их несомненную связь (ибо в сходных условиях в других поселениях формировался именно тип мастера), в этих образах акцентируются разные ценностные аспекты. В случае мастера мы имеем дело с моделью творческого труда, сохраняющего элемент индивидуальности. Очень часто этот образ дает в фольклоре и в литературном творчестве модификацию традиционной проблемы «художник и власть». Образ рабочего несёт принципиально иные ценности и смыслы. Прежде всего, это установка на механический, монотонный труд (труд-повинность). Другая характерная черта этого типа личности – коллективизм. Рабочий – это своего рода персонифицированный образ завода, произ-

водства, метонимический образ коллектива. В нём предельно ослаблено индивидуальное начало. Житель города («рабочий») взят в одном измерении – производственном, понимаемом расширительно как всякая деятельность, направленная на пересоздание окружающей среды.

Таким образом, миф завода складывается на основе архетипических образов мифа Урала и актуализирует наиболее значимые региональные мифологемы и базовые метафоры – «каменный пояс», «опорный край державы», «танкоград», «железная столица России». В рамках данного мифа город-завод выступает как центр преобразовательной активности человека. Завод предстает как средоточие культуры. Базовой мифологемой здесь становится мифологема железной руды как характеристики всех сторон жизни. На её основе формируются мифологемы труда, уральского характера, служения государству.

Иной имидж города-завода репрезентирует миф города, основанный на модернизирующей стратегии мифологизации.

Говоря о городе, не следует забывать, что в истории культуры он зачастую выступал не только как реальное пространство обитания, но и как некий символ. Город есть архетип человеческого сознания. В триаде «я – город – мир» он составляет среднее звено, гармонирующее отношения между крайними членами оппозиции⁹. Город выступает не столько как оппозиция природе, сколько как поле культурной активности человека. Подобное положение особенно актуально для русской культуры: «Город в истории русской культуры сохранял свой архетипический и мифологический статус, свой феноменологический имидж и символический смысл»¹⁰. Не случайно одним из распространенных подходов к исследованию города в отечественной науке является изучение его

⁹ См.: Стародубцева Л.В. Город как метафора урбанизируемого сознания // Урбанизация в формировании социокультурного пространства. – М., 1997.

¹⁰ Пивоваров Ю.Л. Урбанизация в России на пороге XXI века: антропологически-культурная парадигма // Урбанизация в формировании социокультурного пространства. – М., 1997. – С. 268.

как текста культуры¹¹. Акцент при этом зачастую делается на изучении репрезентации текста города в произведениях искусства, в частности литературы. Однако не менее продуктивен и актуален анализ города как самопорождающего текста. Преимущественно с этой точки зрения мы и будем рассматривать миф города в структуре смыслов города-завода.

По смысловому символическому наполнению город-завод близок Петербург. Отметим точки соприкосновения в образах обоих городов. Прежде всего, оба расположены на «периферии» магистральной культуры, что всегда маркируется негативно. Периферийность традиционно связывается с присутствием стихийных сил, враждебных человеку, с «нечистостью» места. Отсюда большое количество мифологических сюжетов о столкновении человека с потусторонними силами, олицетворяющими либо запретность природных богатств, либо измененные состояния сознания.

При характеристике природных условий данных городов наиболее ярко представлены такие, во многом архетипические образы, как «гора» и «болото». Безусловно, в этом отношении город-завод оказывается в более благоприятных условиях, так как гора отмечена как сакральное пространство, в то время как болото есть исключительно inferнальный локус. Вместе с тем ощущение изначальной катастрофичности присуще как Петербургу, так и городу-заводу. Сложность условий существования обостряет проблему личной ответственности индивида перед лицом стихии. Жизнь в этих городах есть постоянная «пороговая ситуация».

Петербург фиксирует западную границу русской культуры, Урал и, в частности, город-завод отмечают границу обжитого и неосвоенного пространств. Таким образом, это две крайние точки русской культуры в ее наиболее полном проявлении. Далее, как Петербург, так и город-завод находятся в особых природных условиях, слабо разработанных в символическом отношении русской

¹¹ См.: Кондаков И.В., Шмурнова И.В. Диалог города с культурой в истории русской культуры // Социокультурное пространство диалога. – М., 1997. – С. 162.

культурой. Главной характеристикой этих пространств оказывается их неприспособленность для человеческого существования, необходимость. Это локусы не-жизни, умирания. Неслучайно начальный период развития данных городов овеян мифами о человеческих жертвах, сопровождавших их основание. В большей степени это характерно для Петербурга, однако свидетельства тому есть и в образе города-завода. Объединяет их и время основания. Оба они связаны со складыванием империи. Оба созданы по распоряжению «сверху», как реализация различных потребностей новой государственности, персонифицированной в образе Петра I, – потребности в торговой межкультурной репрезентации (Петербург) и потребности в военно-промышленном фиксировании границы (город-завод). Поэтому имперские устремления в явной или скрытой форме характерны для обоих городов.

Вместе с тем налицо и ряд отличий. Главное отличие связано с процессом формирования текстов этих городов. Как отмечает В.Н. Топоров, «петербургский текст менее всего был голосом петербургских писателей о своем городе. Устами петербургского текста говорила Россия и, прежде всего Москва»¹². Текст города-завода и его образ формировались преимущественно как авторефлексия его обитателей. Таким образом, мифология Петербурга изначально задана извне, в то время как миф города-завода формируется на базе уже сложившихся местных представлений о регионе.

Сходство базовых мифологем Петербурга и города-завода порождает аналогичные стратегии мифологизации. Принципы построения мифа Петербурга были во многом заимствованы при конструировании мифа города на Урале. Соответствие уральских городов петербургской модели отмечалось исследователями неоднократно. Однако связь их мифологических репрезентаций оставалась неосвещенной. Строительство уральских городов по трехлучевой

¹² Топоров В.Н. Петербург и «петербургский текст русской литературы» // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. - М., 1995. - С. 278.

градостроительной системе Петербурга являлось визуальным подтверждением столичного статуса города-завода. Особое значение приобретает и планировка города, закрепившаяся в сознании как «петербургская», и последующая актуализация имперского наследия через цитирование уже существующих в городе построек эпохи классицизма во вновь строящихся зданиях.

Миф города отрицает производственную составляющую как основную. Акцент переносится на функцию символической репрезентации территории, на включение региона в парадигму национальной культуры. Если при репрезентации мифа завода человек («заводской рабочий») есть персонификация коллектива, то миф города уделяет внимание отдельным выдающимся личностям. Базовые мифологемы региона не позволяют последовательно выстроить миф города-завода как центра культуры. Однако он изменяет статус жителя города с «рабочего» на «горожанина», то есть многостороннюю личность, чья индивидуальность лежит вне сферы производственной активности.

Вместе с тем полный разрыв с региональными мифологемами оказывается невозможен. Культуротворческая функция города-завода и его миссия транслятора культурных ценностей репрезентируется обычно как привнесенная «сверху», а не сложившаяся органически в данных условиях. Как правило, этот пласт истории города связывается с деятельностью заводчиков и управляющих. Таким образом, культуротворческая функция переплетается здесь с административной. В мифе города усиливается символическое значение поселения как носителя властных полномочий, его включенность в вертикаль государственной власти. Обращает на себя внимание и метафорическое наименование города-завода как «железной столицы». Здесь очевидна локализация имперских притязаний.

Миф города несет черты элитарности. Поэтому более актуальным оказывается не горизонтальное, а вертикальное взаимодействие культур. Миф города отражает вертикальный разрыв русской культуры, возникший в XVIII веке. Если миф завода ориентирован на восприятие его главным образом народным сознанием, то миф

города имеет в качестве адресата элитарные слои общества. Миф города разрывает конституируемое мифом завода единство населения. Если в мифе завода собственники и управляющие осознаются как «они», как внешняя по отношению к заводу власть и даже как специфическое проявление враждебного духа территории, то миф города включает их в качестве полноправных членов структуры города-завода. Тем самым вскрывается внутренняя противоречивость, неоднородность поселения. Отсюда порой возникает негативное отношение к подобной репрезентации города-завода. В полемике с ней отчасти строится творчество Д.Н. Мамина-Сибиряка. Для его произведений типична ситуация, в которой заводовладелец терпит крах из-за попыток реализации норм городской культуры в условиях завода¹³. Очевидно стремление восстановить актуальность и значимость мифа завода.

Итак, миф города при репрезентации города-завода опирается на модернизирующую стратегию мифологизации. Он отстраивается через апелляцию к символическому опыту Петербурга и актуализирует черты собственно городской жизни в амбивалентной культуре города-завода. В мифе города акцентируется его столичная сущность, гуманистическая направленность, развитость культурной жизни.

Как было отмечено выше, в разные исторические времена в зависимости от интенций власти актуализировался тот или иной миф. Однако наиболее регулярным это чередование было в XX веке, что связано с возрастанием мифологического элемента в официальной культуре в целом. Рассмотрим данную проблему подробнее.

Начало советской эпохи ознаменовалось для интересующего нас типа поселений присвоением им статуса города и, как следствие, актуализацией мифа города. В этот период становятся значимыми свобода и независимость, которые выступают как важнейшие ценности, декларируемые советской культурой на заре её существования. Присвоение статуса города имело большое значение, как

¹³ См.: *Мамин-Сибиряк Д.Н. Приваловские миллионы.* – Свердловск, 1980.

для власти, так и для самих городов. Этот факт в символическом отношении может быть приравнен к основанию города, что само по себе есть значимый акт. В данной ситуации власть создавала новую систему распределения ролей, где первенство должно было быть отданным именно этим «новым» городам. Тем самым подвергалось сомнению первенство традиционных русских городов, маркированных как имперские. Новая идеология требовала некоторой трансформации мифа города. В первую очередь произошло обращение к традиционным мифологемам Урала. Совмещение двух мифов давало возможность утвердить город-завод в качестве центра культуры и одновременно задать параметры новой культуры (свободный труд как базовая ценность, тип личности, во многом сближающийся с тем, который конструируется в рамках мифологемы уральского характера). Важные изменения происходили в сфере топонимии. Традиционные названия улиц и площадей, носившие черты сельского мировоззрения, заменялись новыми. Символическое рождение города формально освобождало его от мифологических и идеологических напластований предшествующих эпох, однако неизбежно создавало предпосылки для построения новой мифологии.

Индустриализация поставила новые цели, для достижения которых миф города оказался неэффективен. В общей идеологической схеме государства сменились акценты. Если первоначально магистральной идеей была идея свободы, то к началу 1930-х гг. её место заняла идея единства трудового народа. Особую значимость приобретает мифологема «энтузиазма труда». Специфика тоталитарной культуры предопределила актуальность мифа завода в новых условиях. В немалой степени этому способствовало и активное строительство заводов-гигантов на Урале. Тем самым первенство «завода» утверждалось и через усиление производственной функции. Ситуация во многом повторяет период становления города-завода и порождает аналогичное решение проблемы. На первый план выходит коллективизм, единство цели, упорный физический труд, идея служения интересам государства. Город-завод становится ценен не сам по себе, а как звено в цепи производства, как элемент общего-

сударственной системы. Очевидно, что данные свойства не могли быть реализованы через миф города с его идеями индивидуальности и независимости.

Индустриализация и возведение заводов как её проявление оказались не столько шагом вперёд в развитии города, сколько возвращением на новом этапе к прежней, хорошо разработанной матрице смыслов и мифов. С этой точки зрения строительство заводо-гигантов способствовало развитию не столько мифа города, сколько присущих мифу завода мифологем преобразования и руды. Возникают новые личностные образцы, важнейший из которых – рабочий-металлург. Мифологема уральского характера, репрезентируемая, как правило, через образ заводского рабочего, оказалась близка по своим свойствам общегосударственной идеологии рабочего класса. В обоих случаях конструировался образ угнетаемой личности, потенциально (а в случае уральского характера – и актуально) способного на великие свершения, наделенного страстью к созидательному труду и преданного интересам «правого дела».

Актуализация мифа завода производилась и иными средствами, косвенно, через обращение к архаическим мифологемам. Центральной фигурой здесь стал П.П. Бажов, создавший не только мифологию Урала, но и художественное обоснование исключительной роли завода в организации жизни на Урале. О роли Бажова как создателя образа Урала пишет В.В. Абашев¹⁴. Однако в сказах обнаруживается и иная интенция. В произведениях Бажова можно найти: 1) мифологизированную историю поселений, где заводу отведено центральное, хотя и не всегда положительно маркированное место основного пространства существования и самореализации человека; 2) идеальную модель завода; 3) тщательно разработанную мифологему уральского характера. Показательно, что эти сочинения были удостоены высокой правительственной награды, что в условиях тоталитарной культуры свидетельствует не только о высоких художе-

¹⁴ См.: *Абашев В.В.* Геопозитический взгляд на историю литературы Урала // Литература Урала: история и современность. – Екатеринбург, 2006.

ственных достоинствах текста, но и о соответствии существующей идеологии и системе ценностей. При этом Бажов предельно обостряет классовый конфликт, подтверждая тем самым, с одной стороны, миф о революционной активности жителей городов-заводов, а с другой – пафос преодоления, свойственный советской культуре, но через сказ приобретающий статус константной характеристики жизни в «заводе». Такая полифункциональность произведений Баждова обеспечивала их активное использование в идеологических целях.

Именно миф завода оказывается наиболее востребованным в периоды усиления центральной власти и распределения символических ролей между регионами. Мифологема «опорный край державы» может быть реализована только через «завод», но не через «город», поскольку последний предполагает разнонаправленность векторов деятельности, в то время как «завод» маркирует единство в достижении государственно-полезной цели. Акцент на промышленных и оборонных достижениях служит свидетельством усиления именно заводского мифа.

Следует отметить, что миф города оказывается слабее мифа завода как инструмент консолидации и как модель социокультурного устройства. Возможно, относительная слабость мифа города как транслятора идеологических сообщений связана с незрелостью собственно либеральной идеологии. Однако можно предположить, что причины этого коренятся в специфике самого мифа, приходящего в противоречие с основными установками, необходимыми для успешной мифологизации. Как было рассмотрено ранее, миф города выполняет, прежде всего, функцию репрезентации и ориентирован на восприятие со стороны. Однако данный миф занимает второстепенное положение по сравнению с мифом завода.

Таким образом, актуализация того или иного мифа в самоопределении города-завода связана с определенными социально-политическими и социокультурными условиями. Одним из важнейших факторов является государственная идеология. Усиление имперских притязаний отражается в актуализации мифа завода,

связанного с идеями коллективного труда на благо государства и военного могущества страны. Миф города становится актуальным в периоды либеральной идеологии и провозглашения самостоятельности и независимости.